

Лисянь, подлинный меч Хуай Ли, был тщательно спрятан и бережно взращивался им в самом даньтяне. Этот клинок — не просто заурядное оружие, а редчайшее сокровище духовного мира! У него имелось собственное сознание, напоминающее чистого и невинного ребенка.

С тех пор как Лисянь признал Хуай Ли своим господином, между ними установилась особая связь. Меч чувствовал каждое малейшее колебание сознания своего владельца, словно они были связаны невидимыми нитями понимания.

Стоило Хуай Ли пожелать воспользоваться мечом, как тот, откликаясь на зов, молнией оказывался в его руке. В бою же Лисянь действовал с Хуай Ли настолько слаженно, будто они были самой природой созданными напарниками.

Мало того, Лисянь мог менять форму в зависимости от настроения хозяина. Когда Хуай Ли был в духе, клинок мерцал ярким светом и едва заметно вибрировал, словно разделяя радость своего владельца. Когда же Хуай Ли попадал в беду, меч начинал источать мощную ауру, наполняя хозяина бесконечной силой и мужеством. Жаль только, что Лисянь пока не мог принимать человеческий облик — ему не хватало подходящего случая, но, возможно, однажды он сможет сопровождать своего господина уже в людском теле.

Хуай Ли обвел взглядом присутствующих, немного пришел в себя и неспешно произвел:

— Госпожа Цзюнь, если вы желаете иметь наследника, у меня как раз припасена пилюля деторождения, я с радостью преподнесу ее вам.

Едва он закончил, как все присутствующие замерли в изумлении: никто из них и помыслить не мог, что в руках у Хуай Ли окажется столь ценное лекарство.

— Однако, — продолжил объяснять Хуай Ли, — эта пилюля относится к низшему рангу, и после того как госпожа примет ее, вам с супругом необходимо будет разделить ложе, только так лекарство подействует.

Когда он произнес это, его лицо, обычно безупречно прекрасное, не выразило ни тени смущения, однако внимательный наблюдатель мог заметить, как кончики его ушей едва заметно покраснели.

Обе пары супругов отвели глаза, словно перепуганные олени, не решаясь посмотреть на Хуай Ли. В конце концов, они были людьми солидными, а Хуай Ли, выглядевший на семнадцать-восемнадцать лет, казался им сущим юнцом. Разговоры о супружеском долге, словно некая постыдная тайна, заставляли их испытывать неловкость.

А вот Бэйтан Мо Жань, который не сводил глаз с Хуай Ли, заметил покрасневшие уши. Уголки его губ едва уловимо дрогнули в подобии улыбки, но она тут же исчезла, словно ее и не было.

Эта улыбка, подобная теплему весеннему солнцу, не укрылась от Хуай Ли. Видимо, Бэйтан Мо

Жань все же испытывает к нему хоть какую-то симпатию, подобную мерцающей в ночи звезде. А значит, можно немного приукрасить свои слова, и этого никто не заметит — словно зайца, спрятавшегося в густой траве.

Супруги Цзюнь И, услышав такое, просияли, но старались сдерживаться, хотя их голоса все же подрагивали:

— Раз так, то мы, старики, премного благодарны Яочэнь-цзюню!

Хуай Ли с улыбкой кивнул и ловко достал из кольца Сюми небольшой фарфоровый флакон с пилюлями. Супруги, не скрывая восторга, принялись рассыпаться в благодарностях. Они долгие годы мечтали о собственном ребенке. Хотя у них и был прекрасный приемный сын Мо Жань, кто откажется от возможности иметь еще детей? Эта пилюля дарила им надежду, и это было настоящим счастьем.

— Что ж, продолжим наш разговор, — сказал Хуай Ли. — Как я уже говорил, Небесный Путь сейчас пребывает в состоянии сна, а Сын Небесного Пути еще не родился. В таких обстоятельствах у меня не было иного выбора, кроме как странствовать и заниматься ночной охотой. У меня нет постоянного пристанища, поэтому я скитаюсь по разным землям.

Такая жизнь, хоть и полна неопределенности, имеет свои плюсы. В пути мне посчастливилось встретить немало благородных и добрых заклинателей. Они были из разных орденов и краев, и каждый обладал уникальным опытом. Общение с ними расширило мой кругозор и подарило бесценные знания.

Однако я встречал и тех, кто лишь казался праведным, будучи на деле лживым и коварным. Такие люди часто говорят одно, а делают другое. С виду они дружелюбны, а в душе вынашивают злые замыслы.

Но даже сталкиваясь с подобными людьми, я не изменил своих намерений. Моя цель — создать собственную силу и накопить связи. Только так, когда я найду Сына Небесного Пути, я смогу защитить его и обеспечить его безопасность. Ведь оберегать такого ребенка — задача не из легких, для этого нужны и сила, и верные союзники.

Хуай Ли сделал паузу, вновь переведя взгляд на живот Цан Сэ. Присутствующие проследили за его взором, и в их сердцах зародилось смутное подозрение.

У четы Вэй Чанцзэ возникло нехорошее предчувствие: Хуай Ли уже не раз смотрел на живот Цан Сэ, и они поняли, что речь идет об их будущем ребенке. Заметив, что все смотрят на него, Хуай Ли вздохнул:

— Вы догадались верно. Ребенок в чреве Цан Сэ — это Сын Небесного Пути, тот самый мальчик, что погиб в предыдущем перерождении, ваш сын Вэй Ин.

Лица Вэй Чанцзэ и его супруги изменились. Вэй Чанцзэ осторожно взял жену за руку,

притянул к себе и дрожащим голосом спросил:

— Как это возможно? И как наш ребенок погиб? Если мы с женой были рядом, то...

Он не закончил, но, взглянув в глаза Хуай Ли, понял: они с супругой покинули этот мир слишком рано и не смогли быть рядом с сыном.

Хуай Ли безэмоционально кивнул, подтверждая их догадку:

— В Илине вы не купили дома, а остановились на постоялом дворе. Когда ребенку было года три-четыре, вы ушли на ночную охоту и не вернулись. Хозяин двора, видя, что вы долго отсутствуете, заподозрил неладное. Мальчик остался совсем один, и когда деньги закончились, хозяину пришлось выставить его за дверь.

Сначала он хотел приютить ребенка, понимая, что малыш пропадет на улице. Но, как ни странно, кто-то тайно вмешался, и ребенок остался в Илине без единого человека, готового ему помочь. Он скитался, словно бесприютный дух, и даже боролся за еду с бродячими псами.

Так прошли годы, полные страданий. Однажды его легко обманули, пообещав кусок дыни. С тех пор он жил на подачках, вечно дрожа от страха и не смея поклониться памяти родителей. Везде, куда бы он ни пришел, он слышал лишь злобные сплетни о них, а сам носил позорное клеймо сына слуги. Вы наверняка догадываетесь, кто так искусно и расчетливо плел эти интриги. В конце концов, ребенка превратили в смертника, заставили вырвать собственное Золотое Ядро, загнали в угол, вынудив практиковать темный путь, а затем затравили всей заклинательской братией. Он погиб в расцвете лет, в семнадцать-восемнадцать, растерзанный призраками.

Присутствующие слушали, бледнея на глазах. Цан Сэ и Лань Жоюэ плакали. Цан Сэ, скрежеща зубами, вымолвила:

— Это наверняка Цзян Фэнмянь, этот лицемер, и Юй Цзыюань, эта фурия! Еще во время обучения в ордене Лань они мне не нравились. А ты, — она посмотрела на мужа, — был слишком доверчив, называл Цзян Фэнмяня братом, помог ему стать главой ордена Юньмэн Цзян, а он так обошелся с твоим сыном!

Вэй Чанцзэ, сжимая кулаки так, что побелели костяшки, был вне себя от ярости:

— Я был слеп, раз доверился ему!

Цзюнь И, нахмурившись, добавил:

— Поступки Цзян Фэнмяня отвратительны, позор такому главе ордена!

Хуай Ли сохранял серьезность:

— Пока ребенок еще не родился, у нас есть шанс все изменить. Возможно, за всем этим стояли

и другие силы, а Цзян Фэнмянь лишь воспользовался ситуацией. Теперь, когда мы знаем правду, просто не имейте с ним никаких дел.

Все согласно закивали. Лань Жоюэ вытерла слезы:

— Если нужна помощь, только скажи.

— Я присоединюсь к супруге, — добавил Цзюнь И. — Мы сделаем все, чтобы подобная трагедия не повторилась.

Хуай Ли улыбнулся:

— С вашей помощью Сын Небесного Пути будет счастлив, и Небесный Путь сможет успешно возродиться.

Сказав это, Хуай Ли медленно перевел взгляд на Бэйтан Мо Жаня. Он смотрел на него с любопытством. Сегодня Бэйтан Мо Жань был необычайно тих, совсем не похож на того Ванье, которого Хуай Ли помнил по сериалу — там тот всегда был обходителем, остроумен и красноречив. Сейчас же он сидел, словно изваяние, почти не проронив ни слова.

Хуай Ли гадал, о чем он думает. Ему некомфортно? Или есть иная причина? Чем больше он размышлял, тем сильнее рос его интерес.

Бэйтан Мо Жань внезапно почувствовал на себе взгляд и понял, что это Хуай Ли. Однако он не спешил отвечать. Не то чтобы он не хотел говорить — он просто не знал, что сказать. Он прибыл в этот мир совсем недавно и знал о происходящем лишь по рассказам приемных родителей. А о Сыне Небесного Пути он узнал только сегодня, что привело его в замешательство.

Мо Жань решил, что лучше пока промолчать, чтобы не сказать лишнего и не вызвать недопонимания. Он предпочел наблюдать за происходящим, чтобы позже принять решение.

<http://bllate.org/book/20051/1982098>